

Итак, приведенные примеры показали, что многуровневость РТ может достигаться за счет использования всех невербальных элементов, способных вызвать определенные ассоциации. Усиливая шрифтом рематический компонент, можно создать многуровневый по смыслу текст, над-текст. По сути над-текст – тематическая, содержательная сетка РТ, воспринимающаяся как его смысловой конспект, что свидетельствует о связности РТ на формальном и семантическом уровне.

В. П. Киржаева

Мордовский государственный университет

ЯЗЫК «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЕЙ

ПОД 1015 И 1097 ГОДАМИ)

1. Несмотря на постоянный исследовательский интерес к «Повести временных лет», до сих пор остается актуальным вывод В.В.Виноградова об отсутствии монографического описания ее языковой системы [Виноградов 1978: 77], сложность которого обусловлена жанрово-структурной спецификой и обязательностью комплексного выявления норм, поскольку в летописи «фонетические, лексические и синтаксические данные часто противоречат друг другу» [Хютль-Ворт 1976: 177-178].

В ходе изучения отдельных особенностей летописного языка учет различий на уровне типов повествования, его социолингвистических характеристик, сюжета, речевой установки пишущего, тесно связанных контекстов, тематики литературных формул осуществлялся многими исследователями [Виноградов 1978: 102-104; Ворт 2006; Кандаурова 1968; Киржаева 1994; Серегина 2006; Улуханов 1964; Успенский 2002: 100-101; Устюгова 1987; Хютль-Ворт 1976]. В.М.Живов, считая, что попытки «расчленивать летопись на фрагменты» при анализе ее языка «были заранее обречены на неудачу», фактически также проводит ее структурную дифференциацию: «равномерно выдерживать стандарты книжного языка летописец не мог, поскольку ориентация на образцы в разной степени могла быть использована в разных сегментах текста» [Живов 2004: 65].

Предмет нашего рассмотрения – фонетические и морфологические нормы, выявляемые на основе анализа дихотомических оппозиций в реализации закономерных звуковых соответствий, в образовании форм дв. числа, претерита и императива, существительных (Р.ед. *jā-основ, Тв.ед. *ō/*jō-основ, И.-В.мн. *jā-основ, В.мн. *jō-основ) и местоименных прилагательных (Р.ед., Д.ед., М.ед., И.-В.мн.ж.р.), которые традиционно привле-

каются для описания взаимоотношений между церковнославянской и древнерусской традициями, в летописной повести о Борисе и Глебе под 1015 г. и летописном рассказе об ослеплении Василька Теребовльского под 1097 г. [Еремин 1987: 63]. Выбор статей определен четкостью проявления в них повествовательной стратегии автора: летописный рассказ «отчетливыми «сказовыми» интонациями ... производит впечатление устного рассказа, только слегка «окниженного» в процессе записи»; повесть ориентирована на жанр агиографии [Еремин 1987: 58, 62].

2.1.1 В летописной повести неполногласие характерно и для нарратива, и для прямой речи: в нарративе из 34 форм – 27 неполногласных, напр.: *бѣ бо възложиь на нь гривну злату велику в неуже предѣстоаше пре^д нимь* 134; в прямой речи из 6 – 5 неполногласных (хотя 3 в цитатах из литургических текстов), напр.: *ре^ч же Путьша с Вышегородѣци можемъ главы своѣ сложити за та* 132 [Повесть 2001].

Полногласие последовательно отражено в восточнославянских именах собственных и производных от них: *ѡ Передѣславы, Вышегороду, Вышегородскыѣ, Вышегородѣци*. Восточнославянизм и пример второго полногласия: *вѣсть приде к нему ѡ ѣць ти оумерель* 132, – но проявление его непоследовательно (ср. *ѡць ти оумерль* 135-136, *оумрети* 136, *оумерль бы^х* 136). Можно предполагать восточнославянское влияние и в трансформации традиционно неполногласной лексемы *оу Вѣладыкы* 137.

Церковнославянская норма отражена рефлексами *ort: *разидошася, разръшенье, лучами ражизаема, разумныи, с рабомъ*.

Наблюдается лексическая дифференциация в оформлении начала слова: лексемы *агна, единь, азъ, аще* только церковнославянизмы; *оунцы, аевити* только восточнославянизмы (и в цитатах из литургических текстов).

2.1.2 Церковнославянские рефлексы *tj характерны для союза *аще*, корневых (напр., *ѡбѣщашася, пицю, просвѣщаета*) и суффиксальных (напр., *молащеся, рекуще, приходяци^м*) морфем. Восточнославянизмы только в двух контекстах прямой речи: *посылаѣ к Борису глѣше ѡко с тобою хочю любовь имѣти* 132 (в формульном обороте клятвы), *инъ же ре^ч имъ не повѣдуче никомуше шедше оубиите брата моего Бориса* 132.

Напротив, рефлексы *dj – только восточнославянские: *не хужи, стужающии, межи двѣма колодама, стражующимъ*.

Наблюдается параллельное отражение восточнославянского рефлекса *dj в корне и церковнославянского рефлекса *tj в суффиксе причастий *стужающии, стражующимъ*, отсутствующее, однако, в причастии с корневым рефлексом *tj *просвѣщающа*, что подтверждает мнение ученых об утрате дифференцированности в употреблении рефлекса *ж*.

Восточнославянизм *ночь* используется в связанных с хронотопом Святополка Окаянного контекстах (*Стополкъ же приде ночью Вышегоро-*

ду 132, послании же придоша на Лѣто **ночью** 133).

2.2.1 Из трех контекстов двойственности в двух формообразование дв.ч. имен и глагола исконно: *вканьными Стѣполкъ посла два **Варага** прикончатъ юго **внѣма** же **пришедшема** ... единъ **ею** извлекъ мечь* 134; *и оузрѣ желаемаго брата своего и радовашеса с нимъ неиздреченною радостью юже **оулучиста** братолюбьемъ своимъ се коль добро и коль красно жити **братома** вкупъ* 136.

Финальная похвала свв. Борису и Глебу содержит 91 форму с семантикой двойственности, в 88 из которых корректные флексии дв.ч., напр.: *и мы должны есмы хвалити достойно стрѣца **Хѣва** молщеса прилѣжно к нима* 137; *радуитаса Борисе и Глѣбе **бѣмѣрае*** 138, *авистаса аеко **свѣтилъ озаряюща** всю землю Русьскую* 138 (см. мнение современных исследователей: «в целом в ЛЛ 1377 дв.ч. употребляется еще довольно последовательно» [Историческая 2001: 168]).

В двух контекстах: *стѣхъ заповѣди **приимше** в срѣци своемъ* 138, *радуитаса Бжѣими свѣтлостьми авѣ **вблистаеми*** 138, – нарушено согласование причастий с парным сакральным именованим свв. Бориса и Глеба. Однако если вторая форма – безусловно ошибочное употребление флексии мн.ч. (см. редакторское примечание к тексту о РАИ списках летописи: «во всех трех списках: *вблистаеми*, ожидалось бы *вблистаема*» 138); то второй случай нужно рассматривать в ряду отступлений, которые «скорее отражают чуждость ... причастий речевому узусу писцов и, как результат, неразличение в них числовых форм» [Историческая 2001: 146].

В контексте *и съвкуплена **тѣломъ** паче же дѣшама* 137 (см. в РА списках *телома*) замена дв.ч. множественным очевидна.

2.2.2 Анализ соотносительных падежных форм существительных выявляет употребление только церковнославянских флексий в ед.ч.: [*заступника*] *Русьскыае земля* 137, *бѣша с Борисомъ* 132, *любимъ бо бѣ в ѣемъ* 132, *не вниди в судъ с **рабоумъ** своимъ* 133, *иже симъ **вбразомъ** ависа* 133. На характерность их указывает образование унифицированных форм Т.ед. *s- и *n-основ: *и съвкуплена **тѣломъ*** 137, *именемъ* Геврги 134, *именемъ* Торчинъ 136 (вместо исконного *-ьмь*).

В И.-В.мн. наблюдается вариативность словоизменения: *братъае ихъ бѣша* 132, – но: *оубициѣ придоша* 135, *призва боларьциѣ* 135.

2.2.3 У местоименных прилагательных флексии церковнославянские в Р.ед., напр.: *на брата своего старѣшиаго* 132, *заступника Русьскыае земля* 137; в Д.ед.: *подающа цѣлебныае дары Русьтѣи земли* 137, *заступника Русьтѣи земли* 137; в М.ед.м.ср.р.: *на свѣтъ прелестнѣмъ* 136, *въ нѣнѣмъ жити* 138; в И.-В.мн.ж.р.: *вшедъ въ нѣныае **вбители*** 136, *подающа цѣлебныае дары Русьтѣи земли* 137, *стрѣсти злыа ицѣлающа* 138.

Колебание нормы в образовании М.ед.ж.р.: *въ радости бесконечнѣи* 137, но: *въ славѣ неувдающеи* 138. Восточнославянская флексия В.мн.м.р.: *призва Вышегородьскыѣ боларьциѣ* 132.

Форма прилагательного «бж^ственнами лучами ражизаема воину 138» – описка, вызванная влиянием существительного (в РА – *блаженными*).

2.2.4 Претеритальная система представлена аористом (88 форм), имперфектом (9), перфектом (2), плюсквамперфектом (2), отражающими исконную семантику и формообразование, напр.: и прободоша Бориса и слугу ѿго падиша на не^м прободоша с нимъ баше штрокъ съ с^нь Оугърскъ именовъ Геврги ѿго же любаше повелику Борисъ б^гь бо възложилъ на нь гривну злату велику в неиже предъстоаше пред нимъ 134; кдъ суть словеса твоа аеже г^ла къ мн^гь брате мои любимыи 136; възвысила бо естъ ваю св^тноснасе любы нб^снасе 138.

В нее входят и три бессвязочных перфекта: *и Борису же възвратившюса съ вои не вбрътишю Печеньгъ въсть приде к нему в^иць ти оумерель 132; и посла Ярославъ къ Гл^бу г^ла не ходи в^иць ти оумерль 135-136; молиса в мн^гь да и азъ быхъ ту же стр^сть присель луче бо ми было съ тобою жити неже съ св^ттъ семь прельст^нг^мь жити 136.* В двух первых контекстах -л-формы реализуют перфектное значение в прямой речи, где рано при выраженном подлежащем перфект утрачивает связку (ср. контекст прямой речи, где аналогичная семантика реализована аористом: *вн^ь же ре^ч не буди мн^гь възнати руки на брата своего стар^гишаго аще и в^иць ми оумр^ь то съ ми буди въ в^ица м^гсто 132).* В третьем контексте, при учете варианта РАИ летописей *луче бы ми было съ тобою умрети нежели съ св^ттъ прельст^нг^мь жити 136, было* – элемент формы сослагательного наклонения. Но поздние списки меняют контекст, поэтому объективнее определять *луче бо ми было* как бессвязочный перфект с исконным перфектным значением (жизнь с братом оценивается Глебом как лучшая в сравнении с настоящим момента речи).

2.2.5 Генетически церковнославянская и содержащаяся в библейской цитате да-конструкция реализует отнесенность побуждения к 3 лицу: *вканънии же възвратишася възспать аекоже ре^ч Дв^дь да възврататса гр^гшници въ адъ 136-137.* Отражением этой нормы является и простой императив 2 ед. как форма выражения «побуждения» к действию божественной силы в приводимых в речи Бориса цитатах из литургических текстов: *Г^си оуслыши м^лтву мою и не вниди в судъ с рабомъ своимъ; Г^си ...сподоби присети; и не створи ему Г^си в семь гр^гха 133.*

Очевидно, отражением агиографической традиции является и использование форм простого императива (11 форм 2л.дв.) как средства «побуждения» при обращении к свв.Борису и Глебу в похвале им, напр.: *радуитася стр^сница Х^сва 137, но х^солюбивасе стр^сница и заступника наша покорита поганые подъ нозъ княземъ наши^м 139.*

В диалогах используются формы простого императива, напр.: *аще и в^иць ми оумре то съ ми буди въ в^ица м^гсто 132; вн^ь же ре^ч имъ не*

повѣдуче никомуже шедше **оубиите** брата моего Бориса 132; с лестью посла къ Глѣбу глѣа сице **по^ди** вборзѣ 135.

3.1.1 В летописном рассказе неполногласие лексически ограничено: префикс *прелсти*, *прекр^стиса*; лексемы *гра^о*, *пре^о* в составе устойчивого сочетания *сталь пре^о Бмь* 261 (ср. свободное употребление полногласия в прямой речи *поити переди* 259) и в определенном отношении связанное значение в семантически тождественных контекстах прямой речи: *и реч Дв дъ Стѣполку ... да оузришь аще ти не займеть гра^о твоихъ Тоурова и Пиньска и прочи^х гра^о твои^х* 258, *и повѣда имъ еже бѣ ему повѣдалъ Дв дъ ... хотать та оубити и гради твоа засети* 259.

Полногласие многообразнее лексически (*голови*, *в волость*, *сторожѣ*, *переди*, *волокоша*, *сорочку*, *стеречи*; *перевезеса*, *перерѣза*) и функционально (используется в свободных и устойчивых сочетаниях, напр. *промышлани в своеи головѣ* 257, *блюсти головы своее* 260; в прямой речи и нарративе, напр.: *пощюпа сорочки и ре^ч чему есте снали с мене да бы^х в тои сорочкѣ кровавъ смѣть приаель* 261); последовательно в восточнославянских онимах: *Володимеръ, въ Звиждени городъ* 261, *ведоша и Белугороду иже гра^о малъ оу Києва* 261.

Рефлекс *ort – *разумѣ* 260 – церковнославянизм.

По оформлению начала слова противопоставлены варианты местоимения 1 л.ед. в прямой речи участников ситуативно единой беседы: *и ре^ч Стѣполкъ постѣдита вы сдѣ а аѣзь лѣзу наражю* 259, *и вставѣ Дв дъ ре^ч азъ иду по нь* 259. Условный союз наблюдается только в прямой речи и, независимо от ее содержания (в формульных оборотах и в бытовых контекстах), в церковнославянской огласовке: *и ре^ч Стѣполкъ к Двдв да аще право глѣши Бѣ ти буди послу^х да аще ли завистью молвишь Бѣ буде^м за тѣмъ* 257, *рекуще аще кто на кого будетъ то на того буде^м кр^стъ* 259; *Двдъ нача поущати на вслѣпленье аще ли сего не створишь а пустишь и то ни тобѣ княжи ни мнѣ* 260.

3.1.2 Только восточнославянские рефлексy *dj (*дажъ* 258, *а аѣзь лѣзу наражю* 259), преобразования *kt (*на ночь* 259, 260, *с печи* 261, 261) и *gt (*стеречи* 262), церковнославянские – в форме действит. прич. наст. вр. и инфинитива *хоташа* и *повреци* 260, 260. Но восточнославянизм *повреци не отмечен в памятниках, вероятно, *повреци* – единственная форма.

Церковнославянский рефлекс *tj проявляется в союзе *аще* (10 употреблений), именных и местоименных формах действит. прич. наст. вр. (8), лексемах *не хочешь* 258, *вбѣщася* 259; восточнославянский – в лексемах *свѣчался с Володимеромъ* 259, *вѣвѣчае^м* 260, *очюти плачь* 261.

3.2.1 В пяти контекстах с семантикой двойственности – 19 форм дв.ч., напр.: *и прелсти Двдъ Стѣполка и начаста думати в Василкѣ* 257-258; *ходя въ твою руку* 258; *и вѣотрока княжа Оуланъ и Колчко* 262.

Колебание в формообразовании глагола при подлежащем с приименным Тв.п. наблюдается в контекстах *а Двдъ с Василко^м сѣдоста* 259, но: *и приде Стѣполкъ с Дв дѣмъ Києву* 257. В сцене ослепления князя: *И се*

вльзоша...Сновидь Изечевичь...и Дмитръ... и почаства простирати коверь и простерше аста Василка и хотаща и повреци 260-261, – только причастие прош.вр. *простерше* употреблено с флексией Им. мн.

Не является отступлением от нормы собирательное существительное мн.ч. *и оковаша и въ двои вковы* 259 (см. характеристику: «двои – два (требует именит. пад.множ. числа существ.)» [Срезневский 1958: I, 641]).

3.2.2 Церковнославянские флексии у существительных Т.ед., напр.: *с Василко^м 257; сматеса оумо^м 257, възти к Бѹ плаче^м велики^м 260*. Ее нормированность проявляется в образовании унифицированной формы Т.ед. *п-основы: *Торчинъ имене^м Беренди 261* (вместо исконного -ьмь).

Форма В.мн. *jō-основ *и приставиша к нему сторожь* 259, напротив, отражает восточнославянскую норму.

3.2.3 Из 5 местоименных прилагательных одно представляет интерес в контексте нашего исследования – форма Р.ед. с церковнославянской флексией: *не вслушаиса брата старъишаго* 258.

3.2.4 Система претеритов включает аорист (112), имперфект (7), перфект (6) и плюсквамперфект (2), отражающие исконную семантику и формообразование, напр.: *и приде Стѹполкъ съ Двѣмь Кыеву и ради быша людье вси но токмо дъаволь печалень блше в любви сеи и вльзе сотона нъкоторы^м муже^м и почаща глати к Двѣви Игоревичю рекуще сице аско Володимеръ сложилса есть с Василко^м на Стѹполка и на та* 257.

Два бессвязочных перфекта в прямой речи при контекстуально восстановливаемом подлежащем: *и повѣда имъ еже бѣ ему повѣдалъ Двѣ дъ аско брата ти оубиль а на ти свѣчалса с Володимеромъ и хотать та оубити* 259, – отражают восточнославянскую норму.

Две формы в контексте *рѣше боларе и людье ... да аще е^с право молвилъ Двѣ да приметъ Василко казнь аще ли неправо гла Двѣ да прииметъ ѿ Бѣа* 259-260 ошибочны: в первом случае очевиден аорист 3л.мн. (ср. в РА летописях *рекоша*); во втором – в аналогичных условных конструкциях, требующих единого претерита, перфекту *е^с молвилъ* соответствует аорист *гла* (ср. в РА летописях – *глаголалъ*).

3.2.5 Императивное значение глагола в контекстах *и помысливъ си прекр^стиса рекъ вола Г^сна да буде^м 259; да аще е^с право молвилъ Двѣ да приметъ Василко казнь аще ли неправо г^с гла Двѣ да прииметъ ѿ Бѣа и ѿвѣчае^м пре^о Бѣмь 260* для выражения пожелания, относящегося к третьим лицам, использованы да-конструкции. Единым для церковнославянской и восточнославянской норм является использование для выражения «побуждения» к действию божественной силы простого императива 3 ед.: *да аще право глѣши Бѣ ти буди послу^х да аще ли завистью молвиши Бѣ буде^м за тѣмь* 257. Форма буд. вр. во второй условной конструкции (вм. *буди в первой*), вероятно, несет в устойчивом обороте (ср.: *а Бѣ боуди за тѣмь и стѣя Бѣа*, Мст.гр.1130) определенную смысловую нагрузку.

В диалогах использовано 9 форм императива, напр.: *присла*

Стѣполкъ река не ходи ѿ именинь моихъ 258; а ты брате посьди 259.

Учитывая, что трактовка статуса *да* в препозиции к императиву различна (союз в сложных синтаксических конструкциях; элемент описательной конструкции с побудительным значением [Словарь 1989: II, 413-414; 1988: I, 14], «соединительная частица, связывающая речь с предыдущей, вроде нынешнего так» [Срезневский: I, 621]), мы определяем выделенные формы как простые императивы: *гдѣ кто е^с оубиль брат твоего Арополка а нынѣ... и сл^ожилса е^с с Володимеро^м да промышлаи в своей головѣ 257; да аще не хоцешъ встати до именинь моихъ да приди нынѣ цѣлжущи ма 258; ре^ч Стѣполкъ да заоутрокаи брате 259.*

4.1 Количественные показатели фонетической нормы рассмотренных структурно-жанровых компонентов ПВЛ представлены в Таблице 1.

Таблица 1

	летописная повесть		летописный рассказ		без дифференциации	
	ц.сл.	др.р.	ц.сл.	др.р.	ц.сл.	др.р.
рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt	31 77.5%	9 22.5%	7 24.1%	22 75.9%	38 55.1%	31 44.9%
рефлексы *ort	5 100%	–	1 100%	–	6 100%	–
рефлексы *dj	–	4 100%	–	2 100%	–	6 100%
рефлексы *tj	47 95.9%	2 4.1%	21 87.5%	3 12.5%	68 93.2%	5 7.8%
рефлексы *kt, *gt	–	2 100%	2 28.6%	5 71.4%	2 22.2%	7 77.8%
начало слова	12 70.6%	5 29.4%	11 91.7%	1 8.3%	23 79.3%	6 20.7%
в целом	95 81.2%	22 18.8%	42 56%	33 44%	137 71.4%	55 28.6%

Их анализ позволяет сделать следующие выводы:

– При сплошном анализе фонетических особенностей летописных статей под 1015 и 1097 годами выявляется церковнославянская норма с высоким уровнем вариативности (71.4%), определяемым несущественным преобладанием неполногласия (55.1%) и существенным преобладанием восточнославянских рефлексов *kt, *gt (77.8%).

– В летописной повести существенны расхождения в употреблении восточнославянизмов и церковнославянизмов. Вариативность нормы наблюдается в отражении неполногласия ~ полногласия и оформления начала слова, в обоих случаях с существенным преобладанием церковнославянизмов. Исключение составляют рефлексы *dj, представленные только восточнославянизмами, однако, по мнению некоторых историков языка,

такое написание «безусловно входит в норму русского церковнославянского языка XI-XIV вв.; подобные признаки определяют противопоставление церковнославянского языка русской редакции и церковнославянского языка южнославянских редакций, не определяя при этом противопоставления русского книжного (церковнославянского) и некнижного языков» [Успенский: 1994, 33-34]. Только восточнославянизмы наблюдаются в рефлексах *kt, однако этот показатель нормы не столь показателен в силу малочисленности выборки.

– В летописном рассказе расхождения в употреблении церковнославянизмов и восточнославянизмов несущественны, что не позволяет определять норму как безусловно церковнославянскую.

Таким образом, только при дифференцированном анализе каждого из типов повествования удастся установить, что фонетические нормы летописной повести и летописного рассказа различны.

4.2 Количественные характеристики морфологической нормы рассмотренных компонентов ПВЛ представлены в Таблице 2.

Их анализ позволяет сделать следующие выводы:

– Расхождения морфологических – церковнославянской – норм в летописной повести и летописном рассказе, несмотря на различную повествовательную стратегию автора, несущественны, употребительность восточнославянизмов одинаково невысока. Существенны лишь различия в употреблении императивных форм: в повести преобладают церковнославянизмы, в рассказе – восточнославянизмы. Не является безусловно показательной в силу малой выборки восточнославянская норма в оформлении флексий существительных И.-В.мн.

– И при структурно дифференцированном анализе, и без дифференциации выявляется единая – церковнославянская – норма функционирования форм имен и глагола в ПВЛ. Одинаково несущественны и колебания этой нормы.

Таблица 2

		летописная повесть		летописный рассказ		без дифференциации	
		ц.сл.	др.р.	ц.сл.	др.р.	ц.сл.	др.р.
дв.ч. ~ мн.ч.		94 96.9%	3 3.1%	19 95%	1 5%	113 96.6%	4 3.4%
С У Щ	Р.ед. *jā-осн.	16	–	12	–	28	–
	Т.ед. *jǫ-осн.	100%	–	100%	–	100%	–
	И.-В. мн. *jā-осн.	1	2	–	1	1	3
	В.мн. *jǫ-осн.	33%	67%	–	100%	25%	75%
в целом		17 89.5%	2 10.5%	12 92.3%	1 7.7%	29 90.6%	3 9.4%
П Р	Р.Д.М.ед.	18 100%	–	1 100%	–	19 100%	–

И Л А Г	В.мн.	6 85.7%	1 14.3%	–	–	6 85.7%	1 14.3%
	в целом	24 96%	1 4%	1 100%	–	25 96.2%	1 3.8%
претериты		101 97.1%	3 2.9%	127 96.9%	4 3.1%	128 94.8%	7 5.2%
императив		18 72%	7 28%	5 29.4%	12 70.6%	23 54.8%	19 45.2%
в целом		254 94.1%	16 5.9%	164 90.1%	18 9.9%	418 92.5%	34 7.5%

5. Проведенный анализ фонетических и морфологических особенностей языка летописных статей под 1015 и 1097 годами указывает на последовательно отражаемую в них церковнославянскую морфологическую норму как при дифференциации типов повествования, так и при сплошной выборке языковых фактов. Однако при анализе фонетических особенностей только дифференцированный подход позволяет выявить различия нормы в летописной повести (церковнославянская) и летописном рассказе (одинаковая частотная норма в отражении церковнославянизмов и восточнославянизмов).

Литература

1. Виноградов В.В. Изучение образования и развития древнерусского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 65-151.
2. Ворт Д. Просторечие и славянизмы в языке Киевской Руси // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 204-215.
3. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
4. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. М., 2004.
5. Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В.Б. Крысько. Т. II: Двойственное число. М., 2001.
6. Кандаурова Т.Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 72-94.
7. Киржаева В.П. Церковнославянизмы и русизмы в разножанровых компонентах Повести временных лет // Актуальные проблемы современной русистики: тез. докл. II регион. науч.-практ. конф Арзамас, 1994. С. 76-77.
8. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Лаврентьевская летопись. (ПСРЛ. Т. I) 2-е изд. М., 2001. Стб. 132-139, 215-226. В статье цитируется без указания источника с приведением столбца.
9. Серегина Е.Е. Прошедшее время глагола в древнерусском тексте: грамматическое значение и литературная формула: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 1. М., 1958.
11. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. Т. I. М., 1988; Т. II. – М., 1989.
12. Улуханов И.С. Предлоги предь – передь в русском языке XI-XVII вв. //

Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 125-160.

13. Успенский Б.А. Краткая история русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.

14. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

15. Устюгова Л.М. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 90-104.

16. Хютль-Ворт Г. К проблематике норм языка древнерусских летописей // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С.173-179.

Д.А. Долганов

Российский государственный

гуманитарный университет

Самарский филиал

ЦИТАТА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

До настоящего времени теоретиками уделяется недостаточно внимания цитате как выразительному средству в журналистских текстах, причем нет единого мнения и относительно рассматриваемого явления. Так, одни исследователи рассматривают цитату как «атрибуцию» [Шостак 1998: 65], удостоверяющую факт, другие считают ее средством предъявления образа [Ким 2001: 35]. Цитату как средство убеждения рассматривают, как правило, исследователи, занимающиеся изучением функциональной стилистики.

Однако цитата активно используется журналистами в их ежедневной практике для убеждения реципиента, подтверждения или опровержения сообщения, обобщения фактов, позволяет внести разнообразие в авторский стиль, внести в материал эффект «многоголосья», служит средством эмоционального воздействия. Особое значение цитата приобретает в аналитических жанрах, позволяя создать так называемый «вертикальный контекст».

В зависимости от вида цитаты, места, которое она занимает в тексте, ее типа и способа введения в текст, жанра публикации, требований к ее объему и стилистике меняется и ее функция: отрывок чужой речи приобретает новые значения, способствует использованию различных приемов для актуализации внимания читателя на газетной полосе.